

Отчет о семинаре «“Историческая политика” и ее различные национальные версии в постсоциалистических странах» 5-6 марта 2010 г.

5-6 марта 2010 г. в Казани Московский Центр Карнеги и Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан провели семинар на тему «“Историческая политика” и ее различные национальные версии в постсоциалистических странах». Это обсуждение стало продолжением дискуссии, начатой в журнале *Pro et Contra* № 3-4 за 2009 г. («Историческая политика»).

Споры об идентичности и исторической памяти являются относительно новым явлением для стран бывшего Восточного блока. Распад мировой социалистической системы освободил обретшие суверенитет государства от их официальной истории, написанной в угоду коммунистическим идеологемам. Еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов повсеместно вырос интерес к национальной истории, очищенной от идеологических интерпретаций коммунистической эпохи. Этот интерес играл огромную роль в общественных поисках и дискуссиях вокруг будущих моделей развития, которые, как тогда казалась, должны опираться на мощные традиции национальной истории. Но в процессе реформ и формирования новых экономических и политических реалий массовый интерес к истории стал постепенно снижаться.

Новый подъем начался примерно в середине 2000-х годов и продолжается сейчас. Это обусловлено серьезными политическими сдвигами в этих странах — усилением державнических настроений и подходов в российской внешней и внутренней политике, активизацией консервативно-антиевропеистских и националистических движений в государствах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Одна из тем, занявших важное место в повестке России и стран ЦВЕ, заключалась в том, что в ходе реформ не произошло окончательного расставания с коммунистическим прошлым. В этих условиях новое обращение к истории стало важным фактором более четкого понимания сегодняшних реалий.

Повышению интереса к истории способствовали и знаменательные даты, в частности 60-летие окончания Второй мировой войны, которые могли быть использованы в том числе для подведения черты под прошлым этапом развития. На эти факторы накладывалось еще одно важное обстоятельство: политически не были закрыты конфликтные с точки зрения отношений между государствами Восточной Европы и Россией проблемы истории стран ЦВЕ, связанные с предвоенным периодом, войной и утверждением нового послевоенного устройства.

Иными словами, к середине 2000-х годов сложился мощный, имеющий различные исходные импульсы запрос на новую политизацию истории, на ее использование в интересах определенных политических сил. Этот запрос опирался и на мощную поддержку среди значительных массовых слоев, разочаровавшихся в реформах. Наступило время *исторической политики*. Ключевым инструментом в этом становится государственный и/или партийный заказ. Финансовые средства распределяются в пользу тех исследователей, позиция которых более симпатична и выгодна «заказчику». Получение грантов на издание учебников, проведение исследований на ту или иную тематику, допуск к уникальным архивным данным ставит ученых в неравные условия. История, таким образом, используется в политической борьбе, превращаясь в историческую политику. Те или иные персоны, памятные даты и места выхватываются из контекста и превращаются в предмет не исторического профессионального анализа, а политического спора и торга.

С учетом отмеченных факторов тематика семинара была акцентирована на странах Центральной и Восточной Европы, но одновременно организаторы старались учесть и опыт западноевропейских коллег, а также Израиля. Доклад Ютты Шеррер о положении и роли истории в современной Франции и Германии позволил проанализировать научный дискурс этих стран. Ведь для многих восточноевропейских государств они являются образцами для подражания. Ю. Шеррер подробно показала, как в этих крупнейших странах Европы шло переосмысление их истории в XX столетии. При этом докладчик особо подчеркнула, что важнейшую роль в этих процессах играли не только правительства, но и гражданское общество в обеих странах, широкие общественные дискуссии по проблемам истории.

Участие казанских ученых в проекте позволило оценить значимость регионального аспекта для исторической политики. Их доклады обозначили неоднородность исторического дискурса в России, серьезные различия между федеральным и местным пониманием общей истории, неоднозначность трактовок прошлого.

Выступления специалистов из Польши, Молдовы, Эстонии, Латвии и Израиля позволили сравнить ситуации в этих странах. Важным аспектом обсуждения явилось сопоставление исторических политик стран ЦВЕ. Из докладов участников стало ясно, что они имеют много общего. Так, различия в интерпретациях истории разными политическими силами нередко обусловлены неодинаковым пониманием ими особенностей легитимации конкретных постсоциалистических стран. Важную роль играет возможность тех или иных государств контролировать «места памяти». В отдельных случаях их правящие круги пытаются установить монополию на важные события мировой

истории в XX веке и придать им международную легитимацию. Политики постсоциалистических стран применяют довольно сходные методы в работе с историей. Например, Институт национальной памяти был создан в Польше в 1998 году. Но в дальнейшем этот формат в различных вариациях был позаимствован и Украиной, и Литвой, и Грузией, и т. д.

Историческая политика имеет два среза: «для внутреннего потребления» и для презентации себя на внешнеполитической арене. Связь между этими сторонами явления является крайне прочной, но плохо предсказуемой. Нередко внешнеполитические демарши объясняются потребностями той или иной политической силы во внутренней политике, и наоборот. Объединяет их стремление обнаружить и обозначить врага.

В ходе обсуждения Алексей Миллер, автор идеи семинара, подчеркнул, что парадоксальным образом исторические политики разных стран поддерживают и оправдывают существование друг друга. Возникают политически окрашенные споры, нередко перерастающие в «исторические войны». Исходя из логики противостояния историки начинают строить свой нарратив по принципу «от обратного». То есть складывается впечатление, что история есть «игра с нулевым результатом». Если ваши соседи описывают историю в более выгодном для себя варианте, то почему бы и вам не сделать то же самое? Этот подход лишен полутонов и многоцветности, он характеризуется категоричностью выводов. Возникает жесткая дихотомия «свой — чужой» / «мы — они» / «друзья — враги». При этом дискутирующими сторонами замалчиваются факты, не вписывающиеся в эту «черно-белую» картину.

Такой подход к истории разрушает пространство для диалога. Одновременно теряется возможность найти общие или компромиссные трактовки, излишне заостряются противоречия. Историк перестает быть «объективным наблюдателем и аналитиком» и вовлекается в политический процесс. Это делает его работу и выводы крайне уязвимыми.

А. Миллер предложил свой рецепт преодоления негативных последствий исторической политики. Можно пробовать бороться с пропагандистскими машинами внутри того или иного национального исторического дискурса, но значительно больший результат даст восстановление диалога между учеными разных государств. «Если вы не согласны с тем, что происходит с исторической наукой в вашей стране, найдите коллегу в стране-соседе, который, так же как и вы, сопротивляется манипуляциям со стороны политиков, и работайте с ним напрямую. Такие связи и регулярные консультации позволят создать альтернативные трактовки истории, приемлемые для обеих стран». Важной задачей является также организация общественных дискуссий по исторической тематике, формирование диалоговой культуры этих дискуссий. Реализация этих мер

помогла бы обществам преодолеть разделительные последствия «исторической политики».